

DOI: 10.46698/VNC.2022.37.91.001

А. А. ТУАЛЛАГОВ,

СОИГСИ им. В. И. Абаева, Владикавказ, alan167@mail.ru

ОБРАЗ ЛЕОПАРДА В ИСТОРИИ ОСЕТИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ (II)

Одной из до конца нерешенной геральдической проблемой является изображение «Овсэтиса» — «(знамени-герба/-знака) Осетии» на «Заново вычерченной карте Иберийского царства или всей Сакартвело; карта пространства между двумя морями — Понтом и Каспием; Картли, Самцхе или Месхия, Осетия, Дзурдзукетия, Рани, Имеретия, Одиши или Мегрелия, Абхазия, Джикетия, Гурия, Сванетия, Армения, Кахетия, Ширван, Лекия или Дагестан, Кипчакия или Малая Кабарда» [Маруашвили 1956: 96]. Она была создана 22 января 1735 г. Вахушти Багратиони (1695–1758 гг.), внебрачным сыном картлийского правителя Вахтанга VI. Проблема, прежде всего, заключается в отсутствии иных подтверждающих существование подобного знака источников. Поэтому исследователи пытались предложить вероятные, по их мнению, пути появления «Овсэтиса», что а priori полагало реальность существования его в прошлом.

«Глубина» такого прошлого оказывалась различной. Г. Д. Тогошвили, впервые введший в научный оборот «Овсэтиса», обратил внимание на исследования, прежде всего, В. И. Абаева, в отношении поэмы «Витязь в барсовой (леопардовой) шкуре» Шота Руставели. Он полагал, что культ барса-леопарда, восходящий к глубокой древности в ареале Восточного Средиземноморья и Западной Азии, из Малой Азии попал в общеиндоевропейский культурный ареал и мог отразиться в различных архаичных индоевропейских культурных пластах.

Поэтому существование культа леопарда у осетинского народа как одного из немногих представителей индоевропейского этнического массива на Кавказе объявлялось неслучайным. Неслучайным, по мнению автора, тогда было представление барса-леопарда в «Витязе в барсовой шкуре» символом любви Нестан и Тариела, которые ассоциировались с образами картлийской царицы Тамар, матерью которой была осетинская (аланская) принцесса, и ее мужа — осетинского (аланского) царевича Сослана-Давида.

В поэме Нестан сравнивается с барсом, а Тристан облачается в его шкуру. Поскольку барс-леопард был государственным символом осетинского царства, которое представлял Сослан-Давид, то ношение шкуры животного полагалось вполне естественным [Тогошвили 1990: 103–118].

К сожалению, представленные положения исторически ничем не подтверждались автором. Реальность существования «Овсэтиса» как государственного символа периода Аланского царства оставалось вне доказательной базы. Культ барса-леопарда у осетин до сих пор остается неизвестным специалистам, не имея к тому объективных оснований. Гипотетическая передача образа и связанного с ним культа через некий индоевропейский культурный ареал также не получила сколь-нибудь явственных фактических обоснований.

Вместе с тем, гипотетические наблюдения исследователя получили свое развитие в трудах других специалистов. Согласно одному направлению, утверждалась устойчивость бытования образа барса-леопарда в материальной культуре древних и средневековых племен Северного и Центрального Кавказа, полагающее существование у местного населения соответствующих мифологических или идеологических образов. В таком контексте с «Овсэтиса» Вахушти Багратиони сопоставлялись отдельные кобанские и иные изображения, включающие затем и образцы из аланских памятников [Чшиев 2016: 11–15]. Но трактовки их конкретных образцов не представляются столь однозначными. Образы кошачьих хищников в аланских древностях не говорят об их культурной или иной преемственности с изображениями на кобанских памятниках, что не позволяет считать их и неким передаточным звеном, связывающим кобанские изображения или определяемые их представления с «Овсэтиса» [Туаллагов 2021].

Согласно другому направлению, справедливо настороженно отметившему единичность самого изображения «Овсэтиса», полагалось отнесение его к экстраобразам, к взгляду «извне», т. е. со стороны позднесредневековой грузинской этнической среды. Но в его основе все же якобы лежали модель мироздания, метафора мифологического происхождения, мифология образа животного, сюжета «барс/мировая гора (мировое дерево)» восточноиранского культурного круга, которому подбирались отдельные изображения. Свое место в гипотезе нашли редкие материалы из Нартовского эпоса осетин и, что не удивительно, известные наблюдения за материалами «Витязя в барсовой шкуре» Шота Руставели.

В результате, предлагался достаточно сложный процесс формирования «Овсэтиса». Изображение признавалось символом (гербом) осетинского царства. Его создание, обусловленное традициями «восточноиранского мира» и накоплением фонда этнокультурной символики, хронологически

совмещалось с известными грузинскими поэмами и временем деятельности осетинского (аланского) царевича Сослана-Давида, персонифицированный исторический образ которого и был зафиксирован в образе «барса». Утверждалось, что формирование такой геральдической символики затем имело обратное этноконсолидирующее воздействие на общественное сознание, когда соплеменники Сослана-Давида стали воспринимать его как собственный символ этнической самобытности. В целом, утверждалось, что грузинский автор «перерисовал осетинский геральдический знак с источника, который нам до сих пор неизвестен» [УАРЗИАТИ 1998; 2017].

Однако, как данное направление в целом, так и его составляющие, находящиеся в явном противоречии друг с другом, не позволяют безоговорочно с ними согласиться, включая и утверждения о якобы передаче в «Овсэтиса» индоевропейских мифологических представлений о модели мира [ТУАЛЛАГОВ 2021], воспроизводимых сегодня в официальном описании герба РСО-Алания. «Неизвестность» же оригинала «осетинского геральдического знака» может объясняться просто отсутствием такового. Положительно воспринимаемое в данном случае использование методов семиотического подхода [КАМАЛОВ 2008: 228] не вызывало бы сомнений только в случае строгой верификации исходных для него данных. Парадоксальным выглядит и ситуация, когда, отстаивая аланский источник «Овсэтиса», вне рассмотрения остаются собственно изобразительные материалы из аланских памятников, а дополнительное иллюстрирование при таком издании остается вне собственно археологической компетенции.

Наконец, в последнее время была выражена поддержка обоим направлениям. Для подкрепления аланской составляющей предлагалось дополнительно обратить внимание на сведения средневековых источников о том, что символом алан, действовавших короткое время в Испании и Португалии, была кошка, а также на образ льва в гербе португальского г. Коимбра, который был интерпретирован Бернарду де Бриту как символ правителя алан Атака [КОЧИЕВ 2020]. Однако конкретный анализ приводимых и иных материалов также не позволяет согласиться с их полагаемыми однозначными трактовками [ТУАЛЛАГОВ 2021]. Сегодня получает свое развитие и гипотеза собственно аланского источника происхождения «Овсэтиса» [МЫСЫККАТЫ 2021].

Справедливости ради, следует отметить, что долгое время особняком стояло предположение, высказанное в отношении «знамен-гербов/-знаков» Осетии и Дагестана на означенной карте. Допускалось, что их автором являлся сам Вахушти Багратиони. Таким способом он выразил свое негативное отношение к периоду, в котором жил, именуемому «Особа» и «Лекоба» [ДЗАГТИАТЫ 1995: 103].

Совершенно необоснованным и прямо противоречащим известным фактам [Туаллагов 2021: 108] являлись заявления о том, что «Овсэти́са» изначально служил гербом грузинских князей Мачабели [Спаткай 2005: 267; Вершинский 2006: 57; 2014: 137; Дадианова 2014: 9; 2016: 51]. Можно бы было полагать, что некоторые из авторов заявлений сегодня отошли от них, изъяв соответствующее утверждение из своих описаний [Вершинский 2019: 329]. Однако параллельно продолжающееся воспроизведение и прежнего заявления [Вершинский 2022], с одной стороны, указывает на стремление угодить полагаемому кругу читателей, а, с другой стороны, только подтверждает полное отсутствие любых оснований для него. Не стоит и говорить о псевдоэтимологических заявлениях о «двуязычном прозвании» — «Сварн Джики» [Вершинский 2014: 138], которые также скромно опускаются в других изданиях [Вершинский 2019].

Таким образом, общий круг известных гипотез о происхождении и семантике «Овсэти́са», определяемый первоначальными трактовками Г. Д. Тогошвили, окончательно замкнулся, не предоставив достаточных оснований для их безоговорочного принятия и одновременно потеряв потенциал для дальнейшего научного исследования и развития. Создавшееся положение диктует необходимость изменения, хотя бы в качестве ограниченного эксперимента, самого подхода к исследованию проблемы.

Прежний подход исходил из вычленения «Овсэти́са» из общего ряда «знамен-гербов/-знаков» карты Вахушти Багратиони и его сепаратного рассмотрения. Поэтому следует предложить изначально обратить внимание на весь ряд представленных изображений, которые воспроизводят форму знамени по типу римского *vexillum*, что, кстати, напоминает о сведениях о таком знамени царя Картли и Имеретии Георгия VIII из поддельного письма от 22 апреля 1459 г. трапезундского правителя Давида II Великого Комнина [Cæsaris ... M DCCC LXXX: 201]. В таком случае становится сразу понятно, что «Овсэти́са» по своим композиции и элементам, в целом, не выходит за рамки общего «геральдического ряда» карты Вахушти Багратиони, явно знакомого с правилами геральдики своего времени, и не имеет ничего специфически «аланского». Общее разнообразие зооморфных образов не дает какого-либо повода к специальному рассмотрению. В такой ситуации единственным наблюдаемым сближением с «Овсэти́са» является наличие других образов кошачьих хищников.

Среди всех изображений «знамен-гербов/-знаков» они представлены только для грузинской династии Багратиони (илл. 1), Армянского царства (Сомхети) (илл. 2) и Осетии (илл. 3). Причем, армянский и осетинский символы оказываются полностью идентичными — леопард в необычно белой шкуре. Не стоит и говорить, что включение в рассмотрение геральдического

Илл. 1

Илл. 2

Илл. 3

символа грузинских Багратиони карты Вахушти Багратиони выводит значимость сопоставления на высокий уровень государственной истории. Такое совпадение оказывается еще более показательным, если учесть известные свидетельства по династическим историям.

Согласно сведениям армянских и собственно грузинских средневековых письменных источников, картлийская династия Багратиони происходила из династии армянских Баградуни, легендарное происхождение которой возводили к потомку библейского царя-пророка Давида. Данная генеалогическая линия была хорошо известна и Вахушти Багратиони. Он не только полностью ее принимал, но и внес в нее некоторые личные дополнения [Юзбашян 1988: 131–132; Молчанов 2005: 165–172; Назарян 2016: 100], что свидетельствует о его активном вмешательстве в вопросы конструирования династических историй. Некоторые исследователи полагают, что родство между картлийской династией и армянскими Баградуни была установлена через династический брак еще в VII в. [Виноградов 2014: 140–142].

Столь же активно Вахушти Багратиони вмешался в проблему генеалогии правившего некогда в Осетии (Алании) рода, сконструировав ему происхождение от боковой ветви картлийских Багратиони — Ефремиани. Данный подлог был надежно выявлен специалистами. Для нас и в данном вопросе показательным мотивом к подлогу послужила именно история Тamar и Сослана-Давида, поскольку их браком был положен конец мужской линии грузинских Багратиони, т. е. фактически самой династии. Отсюда и другие неоднократные попытки объявить именно Сослана-Давида, а через него царскую династию Алании, ветвью грузинских Багратиони [Тогошвили 1990: 10–40; Гаглойти 2010: 236–243].

Таким образом, на карте Вахушти Багратиони три геральдических символа, близкие друг другу по представленным на них зооморфным

образам, оказываются символами именно тех государственных образований, которые объединяются и династической историей. Такое объединение, учитывая его активное отстаивание все тем же Вахушти Багратиони, не останавливавшимся перед прямыми подлогами, позволяет продолжить исследование в наметившемся новом направлении. Поскольку отдельное рассмотрение проблемы «Овсэтиса» не дало надежных результатов, следует предложить рассмотреть вопрос со стороны сопоставимых с ним символов карты.

На гербе рода Багратиони изображены два льва, держащие щит, в которых усматривают символ могущества [Михаил Николаевич Вадбольский... 2014: 37]. Отдельно шествующий лев будет представлен [Михаил Николаевич Вадбольский... 2014: 80, рис. 135, 140, рис. 11, 12] и на именных гербах правителей, в том числе, например, на гербе Вахтанга VI — отца Вахушти Багратиони (илл. 4). Он, в частности, был опубликован в тбилисском издании «Апостола» 1709 г. Таким образом, для самого Вахушти Багратиони лев являлся знаковым семейно-родовым символом.

Установлено, что Вахушти Багратиони учился у католических миссионеров, которые активно действовали в Картли, непосредственно при царском дворе, где обучали и царских детей, поскольку Картли готова была принять католицизм в обмен на помощь против турок. Они впоследствии оказывали ему содействие и при работе над картами [Маруашвили 1956: 26; Вахушти Багратиони 1976: 6]. Данное положение свидетельствует о хорошем знании царевичем, в том числе, западноевропейской геральдики, ее истории и правил. Поэтому мы можем обратиться к соответствующим данным геральдики.

Известно, что лев ассоциировался с ветхозаветным царем-пророком Давидом, его потомками и даже самим Христом. Со временем лев

Илл. 4

приобретает христологическое значение. Именно к Давиду вели свое происхождение Багратиони [Вахушти Багратиони 1976: 192–193; Михаил Николаевич Вадбольский... 2014: 37; NIKOLAISHVILI 2019: 55–57]. Постепенно в Европу проникают и восточные представления о льве как царе зверей. В целом, лев — одна из самых часто встречающихся фигур в средневековой геральдике, царственный хищник. Он становится неизменным атрибутом носителей власти, королей и князей, христианских рыцарей, олицетворением силы, храбрости, великодушия, власти и могущества [Пастуро 2012: 50–57; Левандовский 2008: 37; Лучицкая 2001: 334; 2010: 124; Лакиер 1990: 39].

Вместе с тем, гербы династии Багратиони и Вахтанга VI Багратиони определяют необходимость приведения некоторых дополнительных наблюдений. Наряду со львом, другим известным европейским геральдическим символом из мира кошачьих хищников был леопард. Специалисты не исключают, что образы льва и леопарда изначально были едины, они часто смешаны. Леопард в геральдике был особой разновидностью льва [Пастуро 2012: 52]. Их различия воспринимались не как видовые, а как геральдические — позы.

Лев всегда изображается в профиль. Его обычная поза — вертикальная, т. е. он стоит на задней правой лапе, три лапы подняты вверх параллельно корпусу. Эта позиция известна как «лев восстающий» (*lion rampant*). Хвост изображался поднятым и своим окончанием прилегающим к спине. Другая позиция — «лев шествующий» (*lion passant*) — изображен горизонтально, голова в профиль, правая передняя лапа поднята, три другие поставлены как при ходьбе. У леопарда голова изображалась анфас (геральдически «насторже»). У шествующего леопарда хвост поднят и откинут. Если лев идет на трех лапах, а голова повернута в анфас, т. е. когда видно оба глаза и уха, — это «львиный леопард» (львуподобный леопард). Леопард с мордой в профиль — «леопардовый лев» (леопардоподобный лев) [Левандовский 2008: 37; Лучицкая 2001: 333; Лакиер 1990: 39]. Неудивительно, что даже в трактатах по геральдике льва порой путали с леопардом. К тому же, существовали некоторые различия, например, в терминологиях французской и английской геральдик [TARJÁN 2017: 53–54, 56; 2018: 91–92].

Таким образом, вертикально стоящие хищники с поднятыми и прилегающими к спине хвостами на гербе династии Багратиони, несомненно, львы. В то же время лев с развернутой анфас головой и откинутым хвостом на гербе Вахтанга VI Багратиони — «леопардовый лев». Заметим, что он еще имеет и другие особенности — движется не в левую сторону, а в правую, и поднял не правую переднюю лапу, а левую.

Илл. 5

ны исторической Армении они были обычными представителями, как леопард и для горной зоны Кавказа, в целом. Самым известным примером символики Багратуни является изображение идущего льва на Львиных воротах древней столицы Армении — Ани (илл. 5), получившей данный статус в 961 г. Лев как символ присутствовал и во владениях младших ветвей династии, что позволяет полагать его фамильный характер [Григорян 2010; Загоруйко 2015: 84].

После падения династии Багратуни государственность Армении была продолжена в лице династии Рубенян (1080–1226 гг.), которая декларировала свое родство с Багратуни [Григорян 2010]. Конечно, следует отметить, что родство было фиктивным, преследуя цель возвысить происхождение родоначальника новой династии и обосновать законность преемственности власти [Микаелян 1952: 81–82]. Данная преемственность использовала и львиные символы.

Справедливо обращено внимание, что Рубеняны продолжили армянскую государственность в Киликии, в регионе Восточного Средиземноморья, в условиях крестовых походов, и прямого общения с европейским миром, с которым будут заключаться и династические браки, выстраиваться торговые, дипломатические и культурные связи. Данное положение совпадает по времени и со становлением геральдики как таковой, появлением гербов у выдающихся правителей Европы, которые включали образы кошачьих хищников, составлением гербовников. Левон I, создавший Армянское королевство в 1198 г., получил от императора Священной Римской империи Генриха VI «герб со знаком льва по его имени, который тагаворы Армении носят по сей день...», т. е. герб стал еще и «гласным гербом», о чем сообщал Нерсес Палеаненц (Палианци) [Григорян 2010; 2013: 26–27; Загоруйко 2015: 84]. Соответственно, образ льва представлен на золотых буллах правителя [TARJÁN 2017: 55].

Илл. 6

Сменившие Рубенянов после смерти их последнего правителя Левона V (1320–1341 гг.) Лузиньяне, устанавливали свое родство с предшественниками через брачные связи. Лев сохраняет свое геральдическое значение, становясь общеизвестным символом Армении в европейской традиции. Хотя изображения хищника в армянской традиции стилистически явно отличаются от их изображений в европейской геральдике [TARJÁN 2017: 54; 2018: 91]. В целом, лев становится общепризнанным символом государства при всех правивших в Армении династиях.

Известные материалы по армянской геральдике также предоставляют примеры сближения образов льва и леопарда. Уже герб Левона II Великого представлял собой, как определяют, коронованного леопарда. Изображен лев с мордой в анфас — «леопардовый лев». На монетах и печатях хищник изображался держащим патриарший посох с крестом или посох с лапчатым крестом. Данная композиция представлена на печатях и монетах и других правителей (илл. 6). Обращалось внимание, что положение лапы, держащей посох с крестом, сравнимо с изображениями Агнца Божьего, держащего крест или крестовое знамя, на многократно представленных в гербовой символике его типичных изображениях. Это сходство позволило определять льва как *leo quasi Agnus Dei*, что связано с представлением об идеале христианского правителя. Впоследствии появляются изображения льва под крестом, что напоминает изображение льва на Львиных воротах Ани [Григорян 2008].

Отмечается, что, например, уже в Вийнбергенском гербовнике третьей четверти XIII в. представлено два варианта (илл. 7, 8) герба Армении — в золоте червлёный «лев восстающий» и в червлении золотой коронованный «львиный леопард» с золотым патриаршим крестом за спиной.

Илл. 7

Илл. 8

Илл. 9

В Гелдернском гербовнике последней трети XIV в. — в золоте коронованный «леопардовый лев» держит передней лапой серебряный посох с навершием в форме узкого якорного червлёного креста. Одновременно на щите представлен и лев (илл. 9).

В «Хронике Констанцкого собора» Ульриха Рихенталя, оконченной около 1425 г., Армения представлена в червлении коронованным леопардом с золотым крестом за спиной (илл. 10). В этом же издании приводятся еще два изображения для Великой и Малой Армений (илл. 11, 12), представленными в золоте червлёными «львиными леопардами», первый из которых несет изображение креста на плече [Ulrich von Richental, 1483].

В гербовнике Милтенберг, составленном между 1486 г. и 1500 г., Великая Армения представлена в золоте

Илл. 10

Илл. 11

Илл. 12

червлёным леопардом с короной, а Малая Армения — в серебре червлёным львом. В южногерманском (Аугсбургский), так называемом Собрании гербовников (Sammelband mehrerer Wappenbüche), составленном около 1560 г., Великая Армения представлена «львом восстающим», а Армения — «леопардовым львом» с крестом за спиной (илл. 13).

Но здесь же герб Армении приобретает несколько неожиданный вид. Вместо изображения креста над львом создается изображение льва, пронзенного мечом (илл. 14).

В гербовнике Виргил Солис 1555 г. также два изображения (илл. 15) — коронованный «лев шествующий» с крестом за спиной и коронованный «лев восстающий» [Григорян 2010; Загоруйко 2015: 84–85].

Илл. 13

Илл. 14

В других известных гербовниках Армения представлена только львом. Например, «лев восстающий» представлен в гербовнике Уэлфорда 1275 г. (илл. 16).

Он же символизирует Армению, например, на марокканской портулане 1339 г. А. Дульсера (Далорто), на каталонском атласе 1375 г. Абрахама Креска и на генуэзской карте 1421 г. Франческо де Чезаниса. Лев изображен на знамени армянского порта Айас [Григорян 2010; Загоруйко 2015: 85]. Таким образом, именно лев служил гербовым символом Армении. Например, в широко известном в свое время труде по геральдике XVII в. [Tesserae gentilitiae a Silvestro Petra Sancta... MDCXXXVII: 297] представлен классический «лев восстающий» (илл. 17), как и в книге гербов и флагов 1708 г. Геррита Хесмана (илл. 18).

Привлекает к себе внимание Гладзорское Четвероевангелие, составленное в 1300–1307 гг. в армянском Сюнике, которое было иллюстрировано пятью художниками, в том числе Торосом Таронаци. На миниатюрах (илл. 19) сцен поцелуя Иуды и свадебного праздника в Кане Галилейском изображены черные «восстающие львы» на щитах двух воинов и два червленых «восстающих льва» на архитектурном своде [Matthews, Taylor 2001: pl. 24, 53]. Изображения указывают на знакомство в княжествах кавказской Великой Армении с геральдическими традициями Европы и Киликийской Армении [Григорян 2013: 23–25].

HERMENIE

ARMENIA.

Илл. 15

Илл. 16

Илл. 17

Илл. 18

Илл. 19

Помня об отдельном появлении образа льва на гербе Вахтанга VI, следует отметить, что данный зооморфный образ является самым древним из известных европейских гербовых изображений Иберии. Он представлен [Conrad Grunenberg's Wappenbuch 2005: 96, № 292] в виде того же «льва восстающего», держащего вложенный в ножны меч (мюнхенская версия) клинком вниз (илл. 20), в гербовнике Конрада фон Грюненберга 1483 г. [Das Wappenbuch Conrads... 1486: 60] для периода подчинения царства монголам («kung von georgr̄yen undern kan»). Появление образа льва вполне закономерно с позиции армянского происхождения Багратиони, тогда как вложенный в ножны меч мог символизировать подчинение страны. В другом издании 1602 г. [Das Wappenbuch Conrads... 1602: 68] представлено несколько иное изображение без ножен (илл. 21). Неудивительно, что исследователи Грузии отрицают историчность герба [Кикнадзе 2014: 6].* Возможно ли, что такое положение меча на изображении как-то связано с прежними объявлениями в арабоязычных надписях на монетах от Давида IV Возобновителя до Русудан о «мече мессии», тесно связанным с царским мечом как атрибутом власти и церковной коронации и символом

Илл. 20

Илл. 21

войны с «неверными» [Андроникашвили 2012: 65–66], которые теперь подчинили Картли?

Иногда полагают, что в том же гербовнике представлен герб Иберии в виде трех червлёных леопардов («*der kung von uibernia*») рядом с гербом Кипра. Но, несомненно, здесь приведен герб Ирландии [Conrad Grunenberg's *Warrenbuch* 2005: 91, № 239], что не исключает допуска того момента, когда изображение могло кем-либо восприниматься или трактоваться в связи с Иберией (Картли). Такое изображение «леопардового льва» в понимании средневековой геральдики для *Hiberi* представлено и в *Notitia Dignitatum* [Notitia Dignitatum... MDCCCLXXVI: 12, № 19].

Таким образом, оба царства имеют единый гербовый символ, что не удивительно в свете истории Багратуни–Багратиони. Но Вахушти Багратиони выбирает для Армении образ именно леопарда через явное видовое различие, к чему он мог иметь формальный повод через знакомство с европейскими геральдическими трудами. Различие подчеркивается и через позу животного, т. е. и собственно геральдически. Она никак не могла диктоваться армянским источником. Тем более, что становление армянской геральдической традиции, в отличие от грузинской, происходило в условиях прямого взаимодействия с европейским миром [Григорян 2010], тогда как в Грузии никогда не было понятия о гербе в том смысле, как его понимали другие народы [Лакиер 1990: 325]. Такое положение, видимо, облегчало для Вахушти Багратиони вольные манипуляции при составлении изображений на своей карте. Другими словами, мы имеем прямое указание на

Илл. 22

Илл. 23

то, что Вахушти Багратиони позволял себе создавать не только фиктивные династические истории, но и государственные символы, хорошо зная во втором случае действительные образцы.

Поза леопарда явно понижает престижность всего изображения. Можно допустить, что она основана на плохом воспроизведении или подражании изображению символа Армении, например, в виде «львиного леопарда» Вийнбергенского гербовника (*Wijnbergen Roll, Armorial Wijnbergen*) (илл. 22) или гербовника Лорда Маршала (*Lord Marsal's Roll*) (илл. 23) [TARJÁN 2018: 97, fig. 18, 19], но с дополнительным разворотом головы хищника назад.

Заметим, что герб Багратиони переполнен знаками верховной власти (корона, скипетр, сабля, держава), библейско-христианскими символами (власяница Христа, кресты на короне и державе, арфа и праща царя-пророка Давида, львы; на гербе Вахтанга VI — еще и весы библейского царя Соломона). Такое переполне-

ние, кстати, соотносится с пятью крестами на флаге — Иерусалимский крест (символ Кустодии Святой Земли), — что легендарно трактуется в Грузии как знамя Вахтанга Горгосала. На самом деле, подобная эмблема представлена на упоминавшейся карте-портулане 1339 г. А. Дульсерта для Великой Армении и Севастополиса. Для Картли данная эмблема представлена на венецианской карте 1367 г. братьев Ф. и Д. Пицигани. Над всеми указанными территориями Иерусалимский крест представлен в «Книге знаний всех королевств», написанной между 1378 г. и 1402 г. [ГУБАРЕВА 2015: 65–66; Наше королевство 2013: 11; Гопия 2019: 33–36]. Не вдаваясь в проблему возможной связи Иерусалимского креста с историей крестоносцев [Бичикашвили, Чагунава 2004: 4], только отметим, что его появление не может быть связано со временами Вахтанга Горгосала. Оно носит более поздний характер, являясь продуктом заимствования. Для нас же показательным, что Армения и Иберия оказываются вновь символически объединены.

Герб Армении не только уступает гербу Картли в христианской символике, но для Армении даже вместо известного изображения посоха с крестом представлено копьё. Возможно, оно символизирует наконечник «копья Лонгина», который якобы был принесен в Армению апостолом Фаддеем и ныне хранится в Эчмиадзине. В такой ситуации показательным, что среди рисунков на карте Вахушти Багратиони второй раз копьё появляется в известной сцене с конным Святым Георгием и змием.

Сама композиция вполне сопоставима с образом льва, держащего посох с крестом с монет, печатей и Гелдернского гербовника. Напомним, что преобразования изображений даже более радикального характера были свойственны и западноевропейским гербовникам. Как указывалось выше, например, крест над львом превращался в льва, пронзенного мечом (Sammelband mehrerer Wappenbüche).

Вахушти Багратиони явно вольно составляет символ, о чем свидетельствует и включение в него некой головы в шляпе, которую субъективно интерпретировали как солнце [Михаил Николаевич Вадбольский... 2014: 39], видимо, исходя из известного изображения «геральдического солнца», т. е. солнца с человеческим лицом. Но изображение шляпы, например, напоминает об изображениях головных уборов в европейской геральдике в гербах представителей церкви. Поэтому можно предположить, что копье и шляпа относятся к символике армянской церкви в авторском представлении Вахушти Багратиони.

Леопард, развернув голову назад, смотрит на возвышающуюся над ним корону, которую можно сопоставить с короной с герба Багратиони и рассматривать как символ подчинения Армении Грузии. Такой разворот головы у «львов восстающих» был представлен еще на монетах армянских правителей (илл. 24). Поза животных представлена на рельефной композиции крепости Левонкла в области Мсиса и на миниатюре автопортрета упоминавшегося Тороса Таронаци в Библии Есаи Нчеци 1318 г. [Григорян 2013: 25]. Львы на монетах, соответственно, взирали на увенчанный крестом посох, как леопард с рисунка Вахушти Багратиони взирает на увенчанную крестом корону.

Вопрос о подчинении Армении Грузии, учитывая соотношение и связь Армении (Сомхети) и южных районов Картли (Сомхити), а также сложную историю политических армяно-грузинских взаимоотношений, дающих повод к такой трактовке вплоть до последнего времени [Майсурадзе 2009], может также указывать на понижение престижности символики Армении в интерпретации Вахушти Багратиони. В русле соответствующей тенденции следует вновь обратиться к образу леопарда.

Несмотря на изначальную близость образов льва и леопарда, их сочетания, в европейской геральдике присутствует и их резкое разделение и противопоставление.

Илл. 24

Дело в том, что в Библии лев нередко предстает и как отрицательный символ [Пастуро 2012: 54]. Поэтому на рубеже XI–XII вв. такой отрицательный символ начинает выделяться в отдельное животное, чтобы не путать его с христологическим образом льва, льва — царя зверей. Этим отдельным животным становится леопард, обладающий многими качествами и внешними признаками льва, но предстающий свергнутым львом, полульвом или уже и противником льва. Формально, как уже отмечалось, геральдически леопард — это лев, но с изображением головы в анфас, что в средневековой зооморфной иконографии практически всегда имеет уничижительное значение.

Изображение анфас — это «плохой лев», т. е. леопард. Возникновение эмблемы было связано с эволюцией герба Плантагенетов во второй половине XII в. С античных времен и до средневековья лев и леопард противопоставляются друг другу. В целом, в средневековой интерпретации бестиариев леопард — всегда символ отрицательный. Лев как эмблема христианская противопоставляется леопарду, который в зооморфной символике рассматривался как языческий символ. Генрих Плантагенет, будущий король Англии, изобразил на своем гербе леопардов в горизонтальной позиции, подчеркивая, что это не львы и что они имеют нехристианское происхождение. Так он заявлял о своей позиции по отношению к христианской вере, не желавшей признавать его притязания на престол.

Леопард представляется плохим львом, львом-бастардом, рожденным от неравного брака львицы и самца пантеры — пардуса, что закреплено и в его названии — леопард. Поэтому леопарду приписываются все отрицательные качества бастарда. Это животное — фальшивое, вероломное и хитрое. Он мог менять внешний вид своих пятен, чтобы обмануть противника, почему называется *pardus versipellis* — «меняющий шкуру пардус». Для средневекового человека пятна — всегда нечто нечистое и постыдное. Поэтому к этой нечистоте добавляются и животные коннотации — тот же леопард. Порой христианская церковь рассматривала леопарда как образ дьявола, грешника, чья душа запятнана грехами как его шкура. Недаром изображение леопардов помещалось на выдуманных щитах врагов христиан — «сарацинов» [Лучицкая 2001: 221, 333–334; 2010: 126; Пастуро 2012: 57–59, 380, прим. 85].

Поэтому можно предполагать, что видовое и геральдическое представление символа Армении через леопарда у Вахушти Багратиони диктовалось все тем же стремлением принизить его по сравнению с символом Багратиони. Вместе с тем, хотя голова леопарда развернута в обратную сторону, но она изображена в профиль, т. е. на манер изображения льва, что не позволяет полагать полную отрицательную коннотацию образа. Заме-

тим, что так же в профиль изображена голова леопарда и на «Овсэтиса», вопреки некоторым прежним утверждениям, что легко подтверждается, например, сравнением с изображением на гербе династии Багратиони (илл. 1, 3).

Следует обратить внимание и на «пятнистость» шкуры леопарда. Сама шкура имеет белый, неестественный для леопарда цвет, и покрыта небольшими, небрежно нанесенными черными штрихами различных форм. Но Вахушти Багратиони должен был хорошо знать расцветку шкуры леопарда, непосредственно водившегося в горах Кавказа.

Такая манера изображения шкуры животного неожиданно напоминает известное наблюдение об исключительных изображениях символа Армении. Так, в гербовнике Сигара (Segar's Roll) 1285 г. представлен серебряный лев (илл. 25) [TARJÁN 2018: 91, 97, fig. 17]. Оригинал гербовника не сохранился, а его известные копии относятся к первой половине XVII в. В упоминавшемся *Sammelband mehrerer Warpenbüche* герб армянской Трои содержит изображения двух подобных львов (илл. 26).

В гербовнике же Герольдов, или Герольда (Heralds' Roll, Herald's Roll), иногда называемом гербовником Элеонор (Eleanor's Roll), т. к. он включал в себя герб королевы Англии, и составленном около 1270–1280 гг., герб Армении (илл. 27) представлен червлёным крестом с золотой короной в перекрестии [TARJÁN 2018: 97, fig. 15]. В гербовнике Кэмдена (Camden Roll) с блазонами на старофранцузском языке, составленном около 1280 г., червлёный крест с золотой короной в перекрестии изображен на

Илл. 25

Илл. 26

Илл. 27

Илл. 28

Илл. 29

горностаевом щите (илл. 28) [TARJÁN 2018: 97, fig. 16]. Однако такой горностаевый щит представлен на золотой булле Леона I (илл. 29) из королевской канцелярии Англии [The Ancient Kalendars... 1836: 102].

Полагают, что появление такого фиктивного рисунка обусловлено созвучием, когда составитель гербовника связал названия Армении — Ermenie (гербовника Герольдов), и Ermyne (гербовника Кэмдена) — в титуле правителя Армении с горностаевым мехом (латин. hermelin, фран. hermine, англ. ermine) и родиной легендарного британского рыцаря Тристана — Ermenie, название которой, вероятно, навеяно памятью о древней земле Арморика или Бретани, чьи герцоги носили щит с полем горностаея [Григорян 2010; 2013: 19; TARJÁN 2018: 90, 95]. Для золотой буллы, противоречащей фиктивности, также указано Ermenye. Ни эти ли сведения, в целом, послужили одной из своеобразных «подсказок» Вахушти Багратиони для превращения льва Армении в пятнистого леопарда?

Черные отметины, ассоциировавшиеся со шкурой горностаея, происходят от черного окончания хвоста животного. В геральдике применялись чаще искусственные, фигурные формы таких меток. Но представлены и естественные [Лукомский ... 1996: таб. II, 13а, 13б]. Такие отметины ставились по всему фону, т. е. единственное черное пятно на кончике хвоста животного в геральдике множилось по всему фону, олицетворяя всю шкуру.

Именно мех горностаея был одним из двух мехов, причисляемых к геральдическим цветам. Горностаея удостоился такой почести, т. к. считался символом чистоты. В конце средних веков ценность горностаевого меха повысилась. Он стал все чаще ассоциироваться с идеей власти, правосудия, господства. В геральдике и одежде везде в Европе он связан с верховной властью и престижем [Левандовский 2008: 27; Пастуро 2012: 230, 273; Лакьер 1990: 34]. Вторым подобным мехом был мех белки. Интересно, что в Armorial du Hergaut Hongrie (около 1460 г.) герб Армении представлен львом в золотом поле с беличьей каймой [Григорян 2008].

У Вахушти Багратиони «пятна» нанесены небрежно, что может отражать как общее невысокое художественное мастерство автора, что демонстрируют все изображения на его карте, так и отмеченные выше условия для вольных манипуляций. Кроме появления шкуры горностаея вместо льва как символа Армении в некоторых гербовниках, следует отметить, например, изображения львов на горностаевом фоне у представителей различных дворянских родов Западной Европы.

Очень редко, но известен и «горностаевый лев», т. е. в «шкуре горностаея». В упоминавшихся гербовнике Герольдов (Фицуилльямская копия) такой лев представлен на гербе William de Narford, а в Вийнбергенском

гербовнике — на гербах Guy de Pomponne и Duvelin de Lihus, В первом гербовнике представлен и «горностаевый орел» — герб Piers de Bedingfield. В «Гербовнике Англии» в такой шкуре на гербах изображены фантастические козел-единорог и козел-олень [Insignia Anglica 1540: 4, 6]. Представлены в таких шкурах, пятнистость которых особенно сравнима с изображениями у Вахушти Багратиони, и кошачьи хищники [Insignia Anglica 1540: 43, 50]. Несколько позднее жизни Вахушти Багратиони «горностаевый лев» появится на гербе русских графов Орловых. Он был дарован грамотой от 10 июля 1763 г. Императором Священной Римской Империи Францем I. Причем, Орловы считались германского происхождения, происходя из Польской Пруссии.

Таким образом, появление «горностаевой шкуры» леопарда (его светлая шкура напоминает и образец гербовника Сигара) на изображении символа Армении у Вахушти Багратиони могло бы быть подсказано именно примерами средневековых западноевропейских гербовников. С другой стороны, это позволяло несколько понизить престиж Армянского царства, чья династия Багратуни, в отличие от картлийской Багратиони, уже давно сошла с исторической арены. Но одновременно не придавалось леопарду сугубо отрицательное восприятие, включающее «греховность» его естественных пятен, тем более, в условиях прямой династической связи Багратуни–Багратиони. Впрочем, такие манипуляции могли облегчаться и знанием о продолжении использования образа как символа Армении последующими после Багратуни династиями, указывавшими на родственную связь с ней, но уже обладавшими родственной дистанцированностью от картлийских Багратиони.

Заметим, что обращение внимания на «герб Сомхети (Армении)» как на изображение барса или льва, которое поддается верификации и передает герб армянских Багратуни с некоторыми искажениями [Кочиев 2020: 42–43], нуждается в уточнении. Данное изображение, несомненно, передает образ леопарда. Для его понимания было необходимо провести его отдельную верификацию на основании привлечения известных средневековых изображений гербов Армении. Только такой анализ и его результаты позволяют обратиться к следующему этапу исследования.

Если мы теперь с таких позиций перейдем от «герба» Армении непосредственно к «Овсэтиса», то уже не удивимся тому, что представлено на нем. Здесь для выдуманной в грузинской историографии, включая Вахушти Багратиони, побочной ветви картлийских Багратиони представлен все тот же леопард. Точнее, мы видим «львиного леопарда» в «горностаевой шкуре», хотя повторим, что трудно отделаться от впечатления низкого художественного уровня исполнения «Овсэтиса». Совсем бы было

непонятно стремление приблизить изображение к зимнему, более светлому окрасу шкуры животного.

Исследователи уже полагали, что «серебристо-белая шерсть его, за исключением груди и живота, усеяна черными точками. Таким образом, средневековый художник не только создал эффект пятнистой шкуры реального животного, но и — одновременно — добился геральдического символизма горностаевого меха... Барс изображен расцветкой горностаевого меха, соответствующей принципам геральдики. И это не случайно: в средневековой европейской традиции этот зверек служил символом чистоты» [УАРЗИАТИ 2017: 261]. Автором этих строк отмечалось, что такое заключение субъективно и не имеет подтверждения в геральдике. Точечное заполнение «говорит лишь о примитивизме мастерства рисовальщика» [ТУАЛЛАГОВ 2021: 80–81]. Сегодня, учитывая соответствующие дополнительные наблюдения, следует внести некоторые коррективы в приведенное возражение.

Определение «горностаевого меха», надо полагать, было сделано интуитивно, только на визуальном уровне. Показательно, что другой исследователь усмотрел в животном «Овсэтиса» рысь [Михаил Николаевич Вадбольский... 2014: 39, № 229, 103, рис. 228], что даже более подходило бы для визуального определения за счет примитивно исполненной расцветки меха и, например, более короткого хвоста. Также он считал рысью и животное со знака Армении [Михаил Николаевич Вадбольский... 2014: 39, № 226, 102, рис. 224]. Но именно символ Армении указывает на изображение леопарда.

Видимо, само визуальное восприятие было подготовлено за счет цитаты из работы А. Б. Лакиера [ЛАКИЕР 1990: 39], что «... есть львы... даже горностаевого цвета...» [УАРЗИАТИ 2017: 261]. Данное положение демонстрировалось А. Б. Лакиером за счет герба Орловых [ЛАКИЕР 1990: 303], что, само по себе, даже только хронологически не может служить основанием для определения в гербе на карте Вахушти Багратиони. Но его допустимость может быть принята только через образ символики Армении за счет постулируемого «родства» династий и данных средневековых гербовников именно для Армении. Но автором момент сопоставления «Овсэтиса» с другими «знаменами-гербами/-знаками», прежде всего, Армении, был полностью упущен, как и представления Вахушти Багратиони о династических связях. «Подтверждением» возможности такой манипуляции для Вахушти Багратиони могли дополнительно послужить знания о Сослане-Давиде и «Витязе в леопардовой шкуре» [ТУАЛЛАГОВ 2021: 91], что укрепило и его уверенность в возможности приписать Армении и Осетии символ в виде леопарда.

Но дополнительно заметим, что интересны наблюдения исследователей о связи в поэме барса с женским образом Тамар, а мотив облачения героя в его шкуру входит в круг представлений «об особом духовном, а затем и социальном статусе ее властителя, об его непрерывной связи с божественным женским началом» [Полищук (Шадчина) 2013: 332–336]. Если же продолжать линию отождествления героя поэмы с Сосланом-Давидом, то в произведении речь идет о добровольном вхождении страны героя при его отце в состав царства его избранницы, т. е., переводя эпический язык в исторические реалии, о якобы вхождении Осетии в состав Грузии, хотя и ограничивавшееся Южной Осетией [Дандуров 1937: 20]. Такое положение, противоречащее исторической действительности, но неоднократно декларировавшееся со стороны закавказской власти, конечно, могло еще более стимулировать к себе интерес со стороны Вахушти Багратиони. Однако следует отметить, что современные ученые приводят аргументы, отрицающие какую-либо связь поэмы с историческими Тамар и Сосланом-Давидом и их временем [Курцвайль 2019: 63–64, 72–74].

Отмечалось, что мы имеем дело с единственным известным изображением символа Осетии, а ничего аналогичного до сих пор не обнаружено, что вполне справедливо настораживало исследователей [Уарзиати 2017: 257]. Сегодня отсутствие сопоставимых независимых материалов становится уже знаковым. Попытки обращения к широкому кругу изображений из «восточноиранского мира» [Уарзиати 2017] не дают положительного результата, кроме того, с одной стороны, подменяя собственно аланские образцы, а, с другой стороны, полностью опуская аспект изучения соответствующих зооморфных образов в аланской культуре.

Спорность таких трактовок определенных археологических артефактов, включающую проблему их инокультурного происхождения, уже была обозначена [Тваллагов 2021]. В частности, говорилось и об изображении на пряжке из погребения № 10 из аланского катакомбного могильника у с. Мартан-Чу 1 [Vinogradov 1983: 214, abb. 4, 4], датируемым не позднее рубежа IX–X вв. или рубежом X–XI вв. — 1-й четвертью XI в. Изначально его материалы, в целом, связывались с мадьярским влиянием [Vinogradov 1983: 219]. Они, как отмечали ученые, соотносятся с прикамским или поволжским вектором связей. Подобные изделия «древнемадьярского стиля» в Центральном Предкавказье располагаются ближе к пути в Дарьяльское ущелье, что указывает на участие мадьяр в международной торговле [Успенский, Альбегова (Царикаева) 2021: 38–39]. Нами отмечалось, что трактовка двух изображенных на пряжке животных как кошачьих хищников допустима, но не бесспорна [Тваллагов 2021: 63]. Специалистами же

данное изображение признается за передачу образов собак [Гриб 2019: 94, 95; Гриб, Швецов 2019: 162].

Сам иллюстративный материал, подбиравшийся для сопровождения определенных идей по происхождению «Овсэтиса», вызывает к себе вопросы, о чем уже говорилось [Туаллагов 2021: 82–85]. Так, впервые появившееся одно из изображений кошачьего хищника сопровождалось надписью: «Изображение на памятнике сарматскому воину (римское захоронение)» [Уарзиати 1996: 22]. Откуда взято данное изображение и почему оно так определяется, осталось неизвестным. В последующей публикации, видимо, иллюстратор добавил к нему изображение конного лучника, сделав единую подпись к обоим изображениям: «Надгробный памятник сарматскому воину. Всадник и охраняющий мировое древо барс воспринимается как синоним. Римское захоронение. II в. н. э.» [Уарзиати 2017: 22]. Чем обосновано такое действие, когда и изображение всадника сложно отнести к изображению сарматского воина, сказать не представляется возможным.

Предлагавшееся обращение, в частности, к сванскому знамени — лем, также некорректно [Туаллагов 2021: 81–83]. Сами сваны определяли в нем образ волка. В конечном итоге, прототипом такого знамени у самих сванов был ритуальный шест с укрепленной на его вершине волчьей шкурой, что уводит в местные тотемические верования и практики [Бардавелидзе 2006: 53–54; Иванов 2009: 113]. Здесь не может быть генетической связи с аланским драконообразным знаменем [Мысыккаты 2021: 52]. Наблюдается типологическое сходство.

Может теоретически возникнуть вопрос в связи с отмечавшимися средневековыми «сведениями» о «символе» алан в Западной Европе — кошке, львице с крыльями — «символе» правителя алан или льве — «символе» правителя алан Атака. Могли бы консультировавшие католические миссионеры или сам Вахушти Багратиони за счет данных сведений предложить так сконструировать «Овсэтиса»? Ответ должен быть отрицательным. В тот период западноевропейские знания не позволяли идентифицировать исторических алан с современными им осетинами, что препятствует наличию таких знаний у миссионеров. В грузинской историографии аланы известны под именем осетин — оси, овси. Редчайшие появления в грузинских источниках сведений об аланах указывают на их стороннее происхождение, что никогда не приводит к отождествлению алан и овси. Таким образом, Вахушти Багратиони также не имел никаких оснований использовать данные западноевропейские «сведения».

Обращает на себя внимание и тот факт, что в «Овсэтиса» полностью отсутствуют какие-либо государственные или христианские символы. Поскольку Вахушти Багратиони прекрасно знал о государственном прошлом

Осетии (историческая Алания), то отсутствие таких символом указывает на отражение в «Овсэтиса» постгосударственного периода. Его рубежом может служить окончательный разгром кавказских алан Тамерланом в 1395 г. Осетин же царевич определяет как христиан в прошлом, но не сведущими в христианстве в современности [Царевич Вахушти 1904: 141]. Вахушти Багратиони отмечал и отдельную группу алан на Северо-Западном Кавказе, также указывая на их прежнее христианство, а в его время — идолопоклонство [Царевич Вахушти 1904: 237]. Заметим, что исходя из правил геральдики, «Овсэтиса» не имеет и символов воинственности, атрибутов «вооруженности» — когти, зубастая пасть и т. д., а также атрибута «глагола» — высунутый из пасти язык.

Если мы будем исходить из восприятия «Овсэтиса» как гербового государственного символа, то получается, что на нем изображен символ государства, которое уже не является государством, почему теряет властные и религиозные символы. Но Осетия времен Вахушти Багратиони не могла выступать и под единым символом, поскольку не составляла единства, распадаясь на отдельные горные осетинские общества, что было хорошо известно самому царевичу. Получается, что «Овсэтиса» представляет собой некий искусственно совмещенный символ, единовременный «слепок» многовековой истории. Но даже как символ прошлого он, скорее, оказывается продиктован выдуманным символом, не имеющим никакого независимого подтверждения, за счет создания псевдогенеалогии правителей давно исчезнувшего Аланского государства через авторскую интерпретацию символа Армянского государства. В таких условиях сложно в «Овсэтиса» безоговорочно усматривать реальный символ алано-осетинской государственности.

Как уже отмечалось, большие сомнения в достоверности «Овсэтиса» порождаются и картами Вахушти Багратиони, включающими всю Осетию в состав Грузинского царства, что противоречит исторической действительности. Кроме того, под Осетией подразумевается горная территория, населенная не только осетинами, но и другими кавказскими народами — собственно Осетия, Басиани, т. е. территория расселения предков тюркоязычных балкарцев, Кисти, Глигви, Дзурдзукетия, т. е. территория расселения нахоязычных предков ингушей и чеченцев [Маруашвили 1956: 93]. Показательно, например, название третьей карты Вахушти Багратиони — «Карта царства Картли со всеми его границами, с рекой Бердуджи и Абоци или Дебедой и Кайкули, с Двалетией, Тагаури, Куртаули, Кист-Дзурдзук-Глигви, вокруг Кахетия, Рани, Армения, Карс, Джавахетия, Имеретия. Начерчена тем же царевичем Вахушти, 1735, января 7» [Маруашвили 1956: 96]. Исходя только из формальных признаков, невозможно все указанные народы объединить под общим гербовым символом.

Вынужденно отметим, что такое положение не могло бы оправдать и курьезное заявление [Антология... 2010: 293] о том, что барс был особо почитаем в Ингушетии, а потому якобы не случайно Вахушти Багратиони, повествуя об ингушах, «поместил рисунок снежного барса на фоне островерхих гор». При этом, кроме всего прочего, указывают, что «самое лучшее оружие сравнивали с барсом». Речь идет о славившейся среди других на Кавказе «барсовой шашке» — «цЮкьболат», с якобы изображением на лезвии морды животного, которое считали изображением барса [Ингушский нартский эпос 2012: 371].

Но такого холодного оружия никогда не существовало. Известные зооморфные изображения также не дают к тому повода. Так называлось оружие с клинком типа дамасской стали [Nichols J. 2004. P. 39]. Дело в том, что клинок ковали из нескольких полос стали, отличавшихся цветом, подобно дамасским образцам, отчего клинок получал особый узорчатый рисунок. Отсюда цЮкь — «узорчатый» и болат — «сталь», что связалось с цЮкь в значении «полосатый барс» [Асхабов 2001: 59], «барсу подобный булат» (узорчатый, полосатый)» [Асхабов 2001: 15]. Поэтому в других публикациях, например, среди марок стали называется цЮкьболат — «тигровый булат» (полосатая сталь)» [Хайров, 2012: 229], «полосатая сталь, (досл. тигровый булат)» [Дударов 2015: 118]. Возможно, его аналогом служит киргизский албарс — «булатный меч», представленный в народном эпосе «Манас». Исследователи исходят из иной этимологии названия [Джуртубаев 2011: 368]. Но, возможно, следует рассматривать название как тюркское «пятнистый (пестрый) барс» [Мысыккаты 2021: 46, сн. 25].

Таким образом, речь идет о последующем, вторичном ассоциативном осмыслении, никак не позволяющим приводить подобные «исторические интерпретации». Данное положение препятствует и возможности привлекать [Мысыккаты 2021: 43] цЮкьболат для ретроспекции с древним и средневековым оружием с изображением кошачьих хищников. Заметим, что в одной ингушской легенде герой умеет именно отличать цЮкьболат от простого болата [Далгат 1972: 230], а не рассматривать некие клейма на клинке. Неудивительно, что именно с таких позиций пытаются апеллировать [Ингушский нартский эпос 2012: 427] к критическим замечаниям в отношении современного герба РСО-Алания.

Следует остановиться и на приведенном выше заявлении об изображениях на лезвиях шашек морды животного, которое якобы считали изображением барса. Данное заявление логично связали со знаменитыми на Кавказе шашками — «волчки» [Мысыккаты 2021: 44]. История появления таких клейм уже рассматривалась специалистами.

Отмечаются образцы, на которых рядом с зооморфными изображениями наносились буквы Н. М.. Их считают инициалами знатного французского участника крестовых походов XII в. Henry Monmorancy, на гербе которого изображался волк. Такие клейма были и у его свиты и оруженосцев. Один из отрядов крестоносцев появился на Кавказе с данными мечами, которые впоследствии были переделаны в известные шашки терс-маймал. Впоследствии клеймо — изображение волка — в XIV в. начали ставить на клинки мастера немецкого г. Пассау, на гербе которого и изображалось животное. Популярность клинков привела к появлению в XVI–XVII вв. многочисленных подражаний, в первую очередь, мастеров немецкого г. Золинген, часто наносивших рядом и соответствующую надпись.

Кавказские мастера начали ставить уже на свои изделия похожие клейма, но более схематичные, сопровождая их изображениями крестиков-«пчел», видя в них указание на участника крестового похода. На Кавказе в XIX в. появляются и настоящие золингенские образцы. Другая партия «волчков» была изготовлена дагестанским мастером в Тифлисе по заказу наместника Кавказа великого князя Михаила Николаевича, что привело к волне новых подражаний.

Название «волчок» клейму дали русские, знавшие его немецкое название «volfklinge». Кавказцы увидели в нем другое животное, откуда и чеченское название терс-маймал — «ревущая обезьяна» (отсюда осет. *tesmel* — А. Т.), хотя полагают и первоначальную этимологию от араб. «благодатный щит» [Асватацурян 2004: 49–52; Асхабов 2001: 28–30; Чахкиев 2019: 69–70]. При всех возможных вопросах к истории появления «волчков», включая крайне предположительные [Алироев 1990: 275] или разводящие их происхождение с терс-маймал [Асхабов 2001: 30], искать изображения голов и связь с образом барса не приходится, что касается и заявления о клеймах в виде изображения головы гориллы с разинутой пастью [Хайров 2012: 216]. Вполне понятным является и популярность подобного оружия у кавказцев [Карпов 1996: 163–164], у которых образ волка занимал особое положение, а само, например, нахское название бронзы «борза» означает «волк» [Асхабов 2001: 30].

В целом, неудивительно, что грузинская сторона и сегодня рассматривает «Овсэтиса» как собственный знак. По некоторым сведениям, которые нуждаются в обязательной проверке, она даже разработала для «Самачабло» проект флага (илл. 30), в котором не только объединены

Илл. 30

Илл. 31

По аргументированному заключению исследователей, «Лекиса Дагистаниса» не передавал реальный символ, а был составлен самим Вахушти Багратиони, который создал знак условного характера, в котором в образе волка изобразил народы Дагестана, совершавшие хищнические набеги на грузин, что отразилось в грузинском понятии «лекианоба» [ТАХНАЕВА 2016: 186–196; 2016а: 482]. Его аналогом является другое понятие, отражавшее угрозу со стороны осетин, — «особа», на что, как мы помним, уже обращали внимание другие исследователи [ДЗАГТИАТЫ 1995: 103] именно в контексте проблемы происхождения «Овсэтиса» и «Лекиса Дагистаниса». Но в «Овсэтиса» нет никакого «хищнического» характера. Отсутствуют, как уже отмечалось выше, и символы воинственности, что плохо соотносится с идеей об «особа». Зооморфное изображение построено по «благородной» геральдической схеме, что, исходя из приведенных выше наблюдений, могло определяться фиктивной династической историей.

В завершении следует обратить внимание на следующее замечание относительно «Овсэтиса» и созданного на его основе современного герба Северной Осетии-Алании: «Во времена Российской империи герб четко указывал на принадлежность региона и его положение в империи. Осетинский народ — потомки алан — был свободен и защищён в границах великой державы — Российской империи. В настоящее время не очень ясна мотивация в использовании «знамени» грузинского царевича в гербе региона, особенно учитывая претензию современной Грузии к Осетинским землям, которая даже вылилась в вооружённый конфликт 2008 г.» [ЗАГОРУЙКО 2014: 34].

Во-первых, во времена вхождения Осетии в состав Российской империи никакого герба Осетии не существовало. Современное существование герба республики, несомненно, являющегося «новоделом», представляет собой продукт поспешных действий в условиях суверенизации субъектов РФ, когда научная сторона вопроса получила лишь свое ограниченное рас-

символы современных флагов Осетии и Грузии — цвета и кресты [Южная Осетия. 2019]. Один из представленных на флаге львов обрел белую с некоторой пятнистостью шкуру, явно отсылающую к «Овсэтиса».

Следует полагать, что «Овсэтиса» была такой же выдумкой Вахушти Багратиони как и знамя «горцев Дагестана» — «Лекиса Дагистаниса» («лекиса дагистаниса») (илл. 31), созданное по той же схеме — зооморфное изображение на фоне гор.

смотрение. Оно и послужило основой для его принятия в качестве государственного символа органом республиканской власти, представители которого, если судить по некоторым публикациям [КАДИЕВА 2007: 28–29], не обладали соответствующей компетенцией. Другими словами, принятие герба пришлось на своеобразный момент «парада суверенитетов», когда местная бюрократия торопилась с соответствующим обозначением, а представители научных кругов на местах не обладали должной компетенцией, но стремились способствовать реализации такого обозначения и зафиксировать свою сопричастность к его выработке. Во-вторых, подразумеваемая историческая подоплека создания «Овсэтиса» Вахушти Багратиони сегодня не сопрягается с идеей его автора о подчиненности Осетии.

Заметим, что параллельно с созданием современного герба Республики Северная Осетия-Алания на основании сведений о «Лекиса Дагистаниса», почерпнутых из публикации того же Г. Д. Тогошвили, была предпринята попытка изображения «знамени Аварского хана» [ТАХНАЕВА 2016а: 480; ХАПИЗОВ, ГАЛБАЦЕВ 2017: 23–24]. Его варианты и сегодня используются различными аварскими общинами, свидетельствуя о сложившемся восприятии изображения как национального символа и подвергаясь современным трактовкам его значения. Но данный символ благоразумно не был допущен к использованию для создания герба Республики Дагестан.

ЛИТЕРАТУРА

АЛИРОВ И. Ю. Язык, история и культура вайнахов. Грозный: Чечено-ингушское издательско-полиграфическое объединение «Книга», 1990. 368 с.

АНДРОНИКАШВИЛИ З. Ш. Стратегии внешнеполитической легитимации // Конфессия, империя, нация. Религия и проблема разнообразия в истории постсоветского пространства. М., 2012. С. 64–70.

Антология ингушского фольклора. Составление, перевод и комментарии И. А. Дахкильгова. Нальчик: Эль-Фа, 2010. Т. 7: Ингушские предания. Вып. 1. 363 с.

АСТВАТАЦУРЯН Э. Г. Оружие народов Кавказа. СПб.: ООО «Издательство «Атлант», 2004. 432 с.

АСХАБОВ И. А.-Р. Чеченское оружие = Chechen Arms. М.: Клуб «Кавказ», 2001. 238 с.

БАРДАВЕЛИДZE В. В. Древнейшие религиозные верования и обрядовое графическое искусство грузинских племен. Тбилиси: The Centre for Cultural Relations of Georgia «Caucasian House», 2006. 234+XXXII таб.

Бичикашвили И., Чагунава Р. Сведения о грузинском флаге с пятью крестами // Свободная Грузия. Тбилиси, 31.01.2004. № 12–13. С. 4.

* Выражаю искреннюю признательность Н. Г. Каберты за помощь с переводом материалов.

Вахушти Багратиони. История царства Грузинского. Перевел, снабдил предисловием, словарями и указателем Н. Т. Накашидзе. Тбилиси: Мецниереба, 1976. 339 с.

ВЕРШИНСКИЙ А. «Лютый зверь» на страже государства // Техника — молодежи. М., 2006. № 3. Март. С. 52–57.

ВЕРШИНСКИЙ А. Н. Всеволод из рода Мономаха. Византийские уроки Владимирской Руси. СПб.: Алетейя, 2014. 188 с.

ВЕРШИНСКИЙ А. Н. Раздел VII. Глава I. Древнейшие символы державного достоинства // Великая княгиня владимирская Мария Ясыня в русской истории. М.; Владикавказ, 2019. С. 307–333.

ВЕРШИНСКИЙ А. Н. Всеволод Большое Гнездо из рода Мономаха. Византийские уроки Владимирской Руси. СПб.: Алетейя, 2022. 188 с.

ВИНОГРАДОВ А. Ю. Стратегия имянаречения у Багратидов (до XIII в.) // ПОЛУТРОПОС. Сборник научных статей памяти Аркадия Анатольевича Молчанова (1947–2010). М., 2014. С. 130–148.

ГАГЛОЙТИ Ю. С. Средневековые летописи о Давиде Сослане // Гаглойти Ю. С. Избранные труды. Цхинвал, 2010. Т. I. С. 236–243.

ГОПИЯ Д. К. Абхазия на итальянских картах XIV–XV вв. // I Научно-образовательный семинар «Карта рассказывает: картографическая культура в контексте изучения истории и природы Абхазии». Гагра–Пицунда, 2019. С. 26–60.

ГРИБ В. К. Поясной набор с охранительной символикой из погребения 40 могильника Зливки // *Nadak útján. A népvándorlások fiatal kutatóinak XXIX. konferenciája*. Budapest, 2019. november 15–16. 29th Conference of young scholars on the Migration Period. November 15–16, 2019, Budapest. Absztraktkötet Szerk.: Sudár B. – Türk A. *Studia ad Archaeologiam Pazmaniensia* 14. — *Magyar Őstörténeti Témacsoport Kiadványok* 7. Budapest, 2019. С. 85–103.

ГРИБ В. К., ШВЕЦОВ М. Л. Серебряный пояс из погребения 40 могильника Зливки // Археология как жизнь. Памяти Евгения Павловича Мыськова. Сборник статей. Волгоград, 2019. С. 158–173.

ГРИГОРЯН С. Армянские львы ранних гербовников // АНИВ. М., 2008. № 1 (16) [сайт] URL: <http://w.aniv.ru/archive/8/armjanskie-lyv-rannih-gerbovnikov-samvel-grigorjan/>

ГРИГОРЯН С. Знаки всеармянских монархов в свете проблемы государственных символов Первой и Третьей Республик. 2010 [сайт] URL: <http://www.yerkramas.org/2010/12/10/znaki-vsearmyanskix-monarxov-v-svete-problemy-gosudarstvennyx-simvolov-pervoj-i-tretej-respublik/>

ГРИГОРЯН С. Восстающие львы Армении // АНИВ. М., 2013. № 3 (48). С. 18–34.

ГУБАРЕВА О. В. Иерусалимский крест в восточно-христианской традиции // Вестник ПСТГУ. Серия V. Вопросы истории и теории христианского искусства. 2015. Вып. 4 (20). С. 65–85.

ДАДИАНОВА Т. Еще раз об увековечивании памяти Марии-Ясыни — великой просветительницы земли Русской // Северная Осетия. Владикавказ, 29 ноября 2014. № 220 (26728). С. 9.

Дадианова Т. В. Еще раз об увековечивании памяти Марии-Ясыни — великой просветительницы земли Русской // Преподобный Иосиф Волоцкий и Московская Русь. Материалы Российской научной конференции «Макариевские чтения». 25–27 июня. Можайск, 2016. Вып. XXIII. С. 46–60.

Далгат У. Б. Героический эпос чеченцев и ингушей. Исследование и тексты. М.: Издательство «Наука», 1972. 467 с.

ДАНДУРОВ Д. Шота Руставели // Жизнь замечательных людей. М.: Журнально-газетное объединение, 1937. Вып. 10 (106). 200 с.

ДЖУРТУБАЕВ М. Ч. Мифология и эпос карачаево-балкарского народа: Древние верования балкарцев и карачаевцев. Карачаево-балкарский героический эпос. Нальчик: Эльбрус, 2011. 488 с.

ДЗАТИАТЫ Р. Г. Аланы в дружине Вахтанга Горгасала // Аланы: история и культура. ALANICA—III. Владикавказ, 1995. С. 101–106.

Дударов А.-М. М. Земледелие ингушей (XIX–первая половина XX века): Историко-этнографический очерк. Нальчик: ООО «Тетраграф», 2015. 176 с.

ЗАГОРУЙКО М. В. Земельные гербы в субъектах Российской Федерации. М.: Издательство Московского университета, 2014. 48 с.

ЗАГОРУЙКО М. В. Символы Республики Армения — геополитическое зеркало государства // Наследие и трансформация. 2015. № 1 (121). С. 80–90.

Ингушский нартский эпос. Составление, перевод и комментарии И. А. Дахкильгова. Нальчик: ООО «Тетраграф», 2012. 599 с.

Иванов Вяч. В. Сходные черты в культе волка на Кавказе, в Древней Малой Азии и на Балкана // Иванов Вяч. В. Избранные труды по семиотике и истории культуры. М., 2009. Т. 5: Мифология и фольклор. С. 108–115.

КАДИЕВА М. Объяснение в любви // Квайса. 2007. № 2. С. 26–31.

КАМАЛОВ А. К. Рецензия на книгу В. С. Уарзиати, А. А. Галиева «Символы и знаки Великой степи (Из истории культуры древних номадов)». Алматы, Казатисо, 2008 // Иран-Наме. Научный востоковедческий журнал. Алматы, 2008. № 3 (7). С. 227–229.

КАРПОВ Ю. Ю. Джигит и волк. Мужские союзы в социокультурной традиции горцев Кавказа. СПб.: МАЭ РАН, 1996. 309 с.

КИКНАДZE З. Древнейший герб Грузии // Герольд. Тбилиси, 2014. С. 3–7 (на груз. языке).

КОЧИЕВ К. К. Древняя аланская инсигния в европейской литературе XVI–XVIII вв. // Аланское православие: история и культура: сборник материалов VIII Свято-Георгиевских чтений «Православие. Этнос. Культура». Владикавказ, 2020. С. 41–60.

КУРЦВАЙЛЬ Ф. Эпоха творчества Шота Руставели (Иран и Закавказье в XVII веке) // Караван. Сентябрь 2019. № 72. С. 24–91.

ЛАКИЕР А. Б. Русская геральдика. М.: Книга, 1990. 432 с.

ЛЕВАНДОВСКИЙ А. П. В мире геральдики. М.: Вече, 2008. 184 с.

ЛУКОМСКИЙ В. К. и барон Типольт Н. А. Русская геральдика. Руководство к составлению и описанию гербов. М.: Типография ГПИИБ, 1996. 97 с.

Лучицкая С. И. Образ Другого: мусульмане в хрониках крестовых походов. СПб.: Алетей, 2001. 412 с.

Лучицкая С. И. Воображаемая геральдика сарацин: цвета и фигуры // *SIGNUM*. Центр гербоведческих и генеалогических исследований ИВИ РАН. М., 2010. Вып. 5. С. 117–128.

Майсурадзе Г. О статусе Армении в составе Грузинской средневековой централизованной монархии (XII–XIV вв.) // Некоторые вопросы истории Грузии в армянской историографии. Тбилиси, 2009. С. 244–287.

Маруашвили Л. И. Вахушти Багратиони, его предшественники и современники. Географические труды и путешествия. М.: Государственное издательство географической литературы, 1956. 136 с.

Микаелян Г. Г. История Киликийского Армянского государства. Ереван: Издательство АН Армянской ССР, 1952. 534 с.

Михаил Николаевич Вадбольский и грузинская геральдика. М.: ООО «Старая Басманная», 2014. 154 с.

Молчанов А. А. Версия о библейских корнях рода Багратидов в средневековой исторической традиции // Древнейшие государства Восточной Европы: материалы и исследования. 2003: Мнимые реальности в античных и средневековых текстах. М., 2005. С. 165–172.

Мысыккаты Б. По следам «аланского барса» // Историко-филологический архив. 10. Владикавказ, 2021. С. 37–73.

Назарян Л. С. Основание грузинской ветви Багратидов // Античная древность и средние века. Екатеринбург, 2016. Вып. 44. С. 87–103.

Наше королевство. Замки, гербы, династии. Интервью с Самвелом Григоряном // АНИВ. М., 2013. № 3 (48). С. 2–17.

Пастуро М. Символическая история европейского средневековья / Пер. с фр. Е. Решетниковой. СПб.: Александрия, 2012. 448 с.

Полищук (Шадчина) А. С. Балкано-кавказские параллели в языке и культуре (на примере образа героя в шкуре леопарда) // *Žmogus kalbos erdvėje*. Kaunas, 2013. № 7. *Mokslinių straipsnių rinkinys*. С. 329–337.

Спаткай Л. В. Геральдика стран мира: Европа. Минск: Амалфея, 2005. 416 с.

Тахнаева П. И. Из истории дагестанской вексиллологии: к вопросу о знамени Аварского ханства // Гербоведение. М., 2016, Т. V. С. 186–196.

Тахнаева П. И. Аварские герб или знамя: о знаке «лекиса дагистаниса» Вахушти Багратиони // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании. Материалы XXVIII Международной научной конференции. Москва, 14–16 апреля 2016 г. М., 2016а. С. 480–484

Тогошвили Г. Д. Сослан-Давид. Владикавказ: Ир, 1990. 144 с.

Туаллагов А. А. Образ леопарда в истории Осетии и современность // *NARTAMONGÆ*. Журнал Алано-Осетинских Исследований: Эпос, Мифология, Язык, История. Владикавказ–Париж, 2021. Т. XVI. № 1, 2. С. 60–125.

УАРЗИАТИ В. С. Средневековый герб алан-осетин // Осетия XX век. Владикавказ, 1996. Вып. 1. С. 10–25.

УАРЗИАТИ В. С. Этнополитическая символика осетин // *Studia Iranica et Alanica. Festschrift for Prof. Vasilij Ivanovič Abaev on the Occasion of His 95th Birthday.* Rome, 1998. С. 511–540.

УАРЗИАТИ В. С. Средневековый герб алан-осетин // Уарзиати В. С. Избранные труды: Этнология. Культурология. Семиотика. Владикавказ, 2017. Т. I. С. 254–275.

УСПЕНСКИЙ П. С., АЛБЕГОВА (Царикаева) З. Х-М. Древности Центрального Кавказа VII–XIII вв. (по материалам Даргавского могильника). — М.: Институт археологии РАН, 2021. 272 с.

Хайров Б. А. Наименования древнего и средневекового оружия и снаряжения в ингушском языке // Ученые записки. Серия «Фольклор и этнография». Магас, 2012. Вып. IV. С. 216–231.

Хапизов Ш. М., Галбацев С. М. К истории и этнографии аварцев (исследования и материалы). Махачкала: АЛЕФ (ИП Овчинников М. А.), 2017. 276 с.

Царевич Вахушти. География Грузии. Введение, перевод и примечания М. Г. Джанашивили // Записки Кавказского отдела Императорского Русского Географического Общества. Тифлис: Типография К. П. Козловского, 1904. Кн. XXIV. Вып. 5. XLIX+241 с.

Чахкиев Д. Ю. Оружие и вопросы военного искусства позднесредневековых ингушей и чеченцев (XIII–XVIII вв.). Магас: Госархив Республики Ингушетия, 2019. 379 с.

Чшиев В. (Х.) Т. Изображение барса/леопарда на бронзовом топоре кобанской археологической культуры из с. Эльхотово РСО-А // Вестник ВНИЦ. Владикавказ, 2016. Т. 16. № 4. С. 11–17.

Южная Осетия. 2019 [сайт]. URL.: [https:// www.vexillographia.ru](https://www.vexillographia.ru).

Юзбашян К. Н. Армянское государство эпохи Багратидов и Византия (IX–XI вв.). М.: Издательство «Наука». Главная редакция восточной литературы, 1988. 300 с.

The Ancient Kalendars and Inventories of the Treasury of His Majesty's Exchequer, together with other documents illustrating the history of that repository. London: Printed by George Eyre and Andrew Spottiswoode, 1836. Vol. I. CXLVIII+350 p.

CÆSARIS S. R. E. Card. Baronii Od Raynaldi et Jac. Laderchii Congregationis Oratorii presbyterorum Annales ecclesiastici denuo et accurate excusæ. Barri-Ducis; Parisiis; Friburgi Helv.: ex types Consociacionis Sancti Pauli, M DCCC LXXX. T. XXIX. 1454–1480. 619 p.

Conrad Grunenberg's Wappenbuch. Introduction and edition by Steen Clemmensen from Berlin-Dahlem, Geheime Staats Archiv Preussischer Kulturbesitz VIII. HA Siegel, Wappen, Genealogie; II. Heraldische und Genealogische Sammlungen, №. 21. Munchen, Bayerische Staats Bibliothek Codex Germaniae Monacensis 145, facsimile R. Stillfried & A. M. Hildebrand, 1875–1883, facsimile M. Grinberg, 2005. Farum, Denmark, 2009. 396 p.

Insignia Anglica. 1540. 63 sh.

MATHEWS Th. F., Taylor A. The Armenian Gospel: The life of Christ illuminated. Los Angeles: J. Paul Getty Museum, 2001. 119 p.

NICHOLS J. Ingush-English and English-Ingush dictionary = Ghalghaai-ingalsii, ingalsii-ghalghaai lughat = Глалгай-ингалсий, ингалсий-глалгай луглат. London and New York: RoutledgeCurzon, Taylor & Francis Group, 2004. X+563 p.

Notitia Dignitatum accedunt Notitia Urbis Constantinopolitanae et Laterculi Prouinciarum edidit Otto Seeck. Berolini: apud Weidmannos, MDCCCLXXVI. XXX+339 p.

TARJÁN E. Fictitious or not? Central and Eastern European Coats of Arms in the Early English Rolls of Arms (1272–1307). Thesis submitted to the Department of Medieval Studies, Central European University, Budapest, in partial fulfillment of the requirements of the Master of Art degree in Medieval Studies. Budapest, 2017. VI+89 p.

TARJÁN E. Lions of the Near East The Royal Coats of Arms of Cyprus and Armenia in the Early English Rolls of Arms // The Image of States, Nations and Religions in Medieval and Early Modern East Central Europe. Debrecen, 2018. P. 80–99.

Tesseræ gentilitiæ a Silvestro Petra Sancta Romano Societatis Iesu. Ex legibus Feacialium descriptæ. Romæ: Typis haered. Francisci Corbelletti, MDCXXXVII. [8]+678+18 p.

Ulrich von Richental. Concilium zu Constanz. Augsburg: Anton Sorg, 1483. CCXLVII b.

VINOGRADOV V. B. Altungarische Parallelen einigen Gräbern des alanischen Gräberfeldes bei Martan-Ču // Acta Archaeologica. Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest, 1983. T. XXXV. Fasc. 1–2. S. 211–220.

Das Wappenbuch Conrads von Grünenberg. 1483. 182 fol.

Das Wappenbuch Conrads von Grünenberg. Bavaria, 1602. V+389 sh.

SUMMARY

The problem of the source of the appearance of «Ovsetisa» on the map of Vakhushti Bagrationi remains without its final solution. The presented attempts to solve it do not have sufficient grounds and at the present stage have exhausted the prospect of their scientific continuation. One of the reasons for this situation is the consideration of «Ovsetisa» in isolation from the entire series of symbols presented on the map. The proposed comparison with all signs demonstrates the absence of a specific «Alanian» beginning in «Ovsetisa» and the author's adherence to the well-known heraldic rules of his time.

Only signs of Kartli and Armenia can be compared with «Ovsetisa» due to the depiction of feline predators on them. In such a situation, it is significant that it was for Kartli, Armenia and Ovseti (Alania) that the rule of representatives of one royal dynasty was postulated. For Ovseti, such a royal genealogy, actively supported by Vakhushti Bagrationi, was false. Moreover, the sign of Armenia presents a completely similar zoomorphic image of «Ovsetisa» — a leopard in an unusual light skin. The materials presented in the article allow us to hypothesize that it was the real history of Armenian heraldry that served as the basis for Vakhushti Bagrationi to come up with «Ovsetisa».